

И.Ю. Дергачева (Масса, Италия)

**«Небытие – условность»
(Марина и Анастасия Цветаевы в Италии)**

Аннотация: В публикации рассказано об открытии 8 июня 2017 г. мемориальной доски в г. Нерви (Италия, Лигурия) на стене дома бывшего Русского пансиона, где с осени 1902 г. до весны 1903 г. в связи с лечением матери, Марии Александровны Цветаевой (урожденной Мейн), жили девочки Марина и Анастасия Цветаевы. Установка памятной доски стала результатом многолетних упорных усилий автора статьи и ее итальянской помощницы – Марты Тонджани (Tongiani), поклонницы поэзии Марины Цветаевой.

Ключевые слова: Марина и Анастасия Цветаевы, Нерви, Италия, Лигурия, Русский пансион

I. Yu. Dergacheva (Massei, Italy)

**“Non-existence is Conventionalism”
(Marina and Anastasia Tsvetaev in Italy)**

Abstract: This article talks about the opening on June 8, 2017 on the wall of the former Russian boarding house in Italy’s Nervi of a plaque to commemorate the stay of the Tsvetaevs from the autumn of 1902 to the spring of 1903. Maria Tsvetaev (nee Maine), mother of the renowned poetess Marina Tsvetaev, brought her daughters, Marina and Anastasia, here as she underwent medical treatment. The unveiling of the commemorative plaque was thanks to the persistent efforts of the author of this article and her Italian assistant Marta Tongiani, an admirer of Marina Tsvetaev’s poetry.

Key words: Marina and Anastasia Tsvetaev, Nervi, Italy, Liguria, Russian boarding house

«Итальянский» период в жизни Марины и Анастасии Цветаевых известен сравнительно мало, а между тем заслуживает того, чтобы сказать о нем особо.

Оказавшись в Италии осенью 1902 г., девочки не так уж и много здесь увидели: они недолго побыли в Генуе, а затем, до весны 1903 г. – до отправки их на обучение в швейцарский пансион, жили в небольшом приморском городке Нерви, расположенном в той же Лигурии, под Генуей. Но интенсивность детского суще-

ствования, накал эмоций были таковы, что эта полоса запомнилась обеим на всю жизнь, а главное, отразилась в дальнейшем в их творчестве.

Нерви было выбрано отцом Марины и Аси Иваном Владимировичем Цветаевым не случайно: он уже бывал когда-то в Лигурии с Варварой Иловайской – его первой женой и матерью старших детей, Валерии и Андрея.

Для Марины и Аси, почти нигде не бывавших, кроме Москвы и Тарусы, заграничное путешествие стало настоящим потрясением. По пути в Италию они проехали Польшу, родину их покойной бабушки с материнской стороны польской дворянки Марии Бернацкой. Проезжали и Австрию с недолгой остановкой в Вене. В Лигурии родители девочек сняли в Нерви 4 комнаты на втором этаже Русского пансиона с видом на молодой лимонно-апельсиновый сад.

Среди обитателей пансиона оказались и революционеры, скрывавшиеся в Италии от преследований царской власти. Хотя семья Цветаевых была настроена скорее верноподданнически, общения с революционерами было не избежать, более того, оно оказалось достаточно тесным и дружеским. Время от времени мама девочек, Мария Александровна Цветаева, устраивала у себя нечто вроде музыкальных вечеров – с игрой на пианино, гитаре, с пением. На такие вечера с чаепитиями собирались обитатели пансиона. Гости, по русскому обычаю, и в Италии горячо спорили о судьбе России, ее будущем.

Под влиянием этих бурных, захватывающих бесед между взрослыми, невольными свидетельницами которых оказались девочки Цветаевы, да и просто в процессе общения с революционерами, которые хорошо к ним относились, впечатлительные, восторженные Марина и Ася менялись на глазах, на лету схватывая новые идеи. Особенно Марина не на шутку увлеклась революционной тематикой, которая проникла в создаваемые ею в Нерви стихи. Здесь же она завела и дневник, и в нем тоже отражались ее новые умонастроения. Стихи обратили на себя внимание взрослых (конечно, тех же революционеров, ставших для автора «группой поддержки») – и даже были напечатаны в одном из русскоязычных заграничных альманахов левого толка. К сожалению, об этих стихах десятилетней Марины сведений практически не осталось. Родители, скорее всего, вряд ли были в восторге от «революционного» дебюта старшей дочери, да и вообще, похоже, не видели ее в будущем литератором (маме, по крайней мере, хотелось воспитать из нее пианистку), Ася же, в будущем большая поклонница произведений сестры, была еще слишком мала тогда, чтобы придавать им важность.

В дальнейшем, попав в швейцарский девичий католический пансион в Лозанне, оторванные от родителей и прежнего окружения, после краткого периода отстаивания своих «новых» взглядов о несуществовании Бога, почерпнутых из арсенала нервийских друзей-революционеров, сестры все же постепенно вновь обратились к вере, сначала вынужденно, а затем и по убеждению – и даже пришли к тому, что стали подолгу и истово молиться перед сном. Днем же пытались жить, как могли, добродетельно, никого не задевая и не огорчая. В необходимости соблюдения – и неукоснительного – свода достаточно строгих моральных правил их сумели убедить старшие – опытные, красноречивые, прекрасно понимающие детскую душу наставники.

В период же итальянский, когда Марина и Ася из-за пошатнувшегося здоровья матери оказались на время лишены ее привычного неусыпного контроля (при взросшем влиянии чужих, новых людей, да еще и нетрадиционно мыслящих политически), их жизнь на какое-то время стала напоминать настоящую вольницу, что,

вероятно, было компенсацией за прежние годы в России, прожитые уединенно, в тесном семейном кругу.

Впервые в жизни увиденное – и так близко! – море, завязавшаяся дружба с озорным мальчишкой, обаятельным сорванцом Володей Миллером, сыном хозяина Русского пансиона, за которым тоже некому было особо присматривать, ибо мама его давно умерла, а отец был занят многочисленными заботами о пансионе.

Отзвук этой дружбы мы найдем в стихотворении Марины «На скалах»:

Он был синеглазый и рыжий
(Как порох во время игры!),
Лукавый и ласковый. Мы же
Две маленьких русых сестры.

<...>

Но память о нем мы уносим
На целую жизнь. Почему?
– Мне 10 лет было, ей 8,
Одиннадцать ровно ему.

Об этих днях свободы Анастасия Цветаева пишет в своих «Воспоминаниях»: «Волны взлетали одна за другой каскадами пены до самых пиний; мы стояли мокрые, задыхаясь от радости, что никто не знает, где мы... выйдя крутой узкой лесенкой, высеченной в грифельных скалах, к морю, мы облазили все мокрые камни и выступы, поехали с Нандо в лодке вдоль берега – и 2 раза, в первый же день, упали в воду меж крупных крабообразных камней. Мы сушились на солнце, опаздывая к обеду, мы царствовали на скалах, мы пировали – свободой и морем, мы загорали, голодные и ликующие, позабывшие дом и своих. И навеки подружился с отчаянным сорванцом, разбойником и бродягой – Володей»¹.

Через некоторое время к этой компании присоединился еще один мальчик, примерно того же возраста – приехавший из Петербурга Володя Курдюмов (через много лет он стал поэтом, но, конечно, не такого уровня, как Марина).

«Италия! Маме – страна ее выздоровления <...>. Нам – страна впервые обретенной свободы на грифельных скалах, над зеленью средиземных волн. <...> “пластина”, с “Маленькой Марины”... туда ведет широкая и отлогая лестница. “Пластина” – покатая грифельная плита, по которой мы, дети, легко ходим и держимся, где наше любимое место: костры, курение, чапелетти (леденцы. – И.Д.), шоколад, разговоры и рассказы о прошлом, мечты»².

Детское общение кипело и пенилось не хуже морских волн, но постепенно жизнь упорядочивалась, поскольку мама снова взялась за образование дочерей: давала обеим уроки музыки, к тому же им взяли преподавательницу русского языка. В итальянскую школу их отдавать не стали, хотя способная к языкам Марина уже преуспела в итальянском и читала на этом языке детские книги.

Прощаясь с Нерви, Марина оставила такие не очень складные, но прочувствованные строки:

Нерви мое дорогое!
Тебя покидая в слезах,
Я уехала ранней весною
И то в жизни был первый мой шаг.

¹ Цветаева А. Воспоминания. М., 1984. С. 100.

² Цветаева А. Воспоминания. С.102–103.

Анастасия же в «Воспоминаниях» назовет Нерви «морской колыбелью нашего детства»¹.

В швейцарский пансион детей отвезла Тьо – швейцарка из Невшателя, бывшая гувернантка Марии Мейн, ставшая со временем полноправным членом семьи Мейнов и женой отца своей воспитанницы (его к тому времени уже не было в живых).

За Швейцарией последовала Германия, новый пансион в городе Фрейбурге. Затем вся семья жила в немецком Шварцвальде. В общей сложности жизнь за границей продлилась 3,5 года. После этого период жизни в Ялте, а затем возвращение в Тарусу.

В середине 1990-х я оказалась в Нерви, том самом Нерви, что был описан в «Воспоминаниях» Анастасии Цветаевой. Представьте себе: узкий, выложенный узенькими же плитками «елочкой», напоминающими паркет, и очень длинный и живописный бульвар, протяженность которого более 2-х километров, – идет надо всей морской бухтой; с него открывается широчайший вид на раскинувшееся море, иногда пенное, иногда мирное, когда спокойно гонит свои волны. Бухта вся в слоистых толщах скал, которые громоздятся друг на друга эффектными наплывами. В некоторых местах эти толщи словно хотят встать на дыбы, образуя гребни, а все вместе дает ощущение какого-то первобытного хаоса, но в то же время замечаешь, что в этом хаосе есть своя гармония, свой полет – он одухотворен. Пронзает чувство, что словно бы попал в какое-то иное измерение, прежде неведомое. По крайней мере, нигде и никогда я не видела больше такого, хотя на своем веку повидала немало морских бухт. Этот вид хочется запечатлеть в памяти и возвращаться к нему снова и снова, как к чему-то необычайному. Слоистые серые, бурые, черные скальные массы все в причудливых белых узорах, все это напоминает по расцветке оперение каких-то крупных диких птиц...

В начале бульвара обращает на себя внимание один из приморских домов под названием «Magina». Что интересно: если идти по бульвару, следуя его изгибам, до самого конца, то рядом с небольшой морской бухтой под названием «Piccola Magina» найдешь еще один дом – он тоже зовется «Magina» и смотрится чрезвычайно нарядно благодаря росписям по фасаду.

К впечатлению, произведенному морем, добавляется не менее сильное впечатление от местной архитектуры. Многие нервийские дома, не отличающиеся, как правило, этажностью и сложностью архитектурных форм, выглядят тем не менее празднично, я бы даже сказала по-дворцовому. Нарядность их обличью придают сделанные явно умелой и профессиональной рукой росписи по фасаду, созданные, по-видимому, не менее 2–3 веков назад. Фасады эти часто окрашены в теплые тона. Искусная разрисовка стен придает домам сходство со шкатулками. Окна окружены своего рода наличниками, напоминающими те, что встречаются в русских деревнях, но здесь это не резьба по дереву, а сделанный по штукатурке изящный фантазийный орнамент. Замечу, кстати, что в «Воспоминаниях» почему-то не получил отражения этот типичный не только для Нерви, но и для Лигурии в целом способ украшения домов, а, казалось бы, Анастасии Ивановне, с ее обостренным чувством прекрасного и тягой к сказочности, это должно было бы быть близко. Не нашла я этого и в мемуарной прозе Марины Цветаевой.

---

¹ Цветаева А. Воспоминания. С. 453.

Нерви когда-то было рыбацкой деревушкой. Но местоположение и микроклимат этого скромного по масштабам городка оказались столь хороши, что со временем он превратился в популярный курорт.

Возле железнодорожного вокзала Нерви можно увидеть описанную Анастасией Цветаевой Аллею Пальм – одно из фешенебельных мест города. Именно здесь когда-то разыгрывалась праздничная «битва цветов». Было это в мае 1903 г.

«Битва цветов! Все на улицах! <...> экипажи, цветами переполненные до неузнаваемости своих очертаний. Лошади, как их хозяйки, красавицы, украшенные цветами. В воздухе – летящие раскручивающиеся серпантины, путаница их цветных лент, град конфетти <...>. Загорелые, усталые, в измятых платьях <...>, увешанные бумажными карнавальными сокровищами, мы вернулись домой вместе с компанией взрослых, счастливые, как все в этот день»¹.

Нерви не только курортное место, являющееся ныне частью Генуи, – есть здесь несколько интересных художественных музеев, размещенных в старинных особняках. Хороши прилегающие к ним обширные парки.

Наезжая затем в Нерви, я, конечно, интересовалась, где же находится здание, приютившее когда-то семью Цветаевых. Глядя на сохранившийся ансамбль городских улиц, не испорченный, что редкость в наши дни, бетонными блоками современных стандартных многоэтажек, я надеялась, что и здание бывшего Русского пансиона уцелело тоже. В «Воспоминаниях» написано, что оно располагалось на Carolungo. Обращалась я с вопросом о местоположении здания и в консульство России в Генуе, там мне, однако, сказали, что здание находится на via Aurelia. Осмотр этих улиц, одна из которых переходит в другую, был мною произведен, но по адресу, данному в консульстве, похожего дома я не нашла (много позднее выяснилось, что улица была указана та самая, а номер дома не соответствовал реальному). До сих пор для меня загадка, почему дом, вначале располагавшийся на Carolungo, в итоге оказался на via Aurelia.

На начальном этапе поиски дома рождали у меня чувство неудовлетворенности и недоумения. В Нерви, что осложняло дело, мы оказывались всегда ненадолго, а увидеть хотелось столь многое! Да и бывали мы там в первые годы очень редко. Однако меня, конечно, грела и поддерживала радость обретения еще одного цветавского места.

Во время прогулок по уже описанному мной бульвару Anita Garibaldi я видела на стене из дикого камня мемориальные доски в честь литераторов, посещавших Нерви. Это и знаменитый прозаик Шолом-Алейхем, которого при жизни называли «еврейским Марком Твенем», и поэтесса, новеллистка Мария Конопничка – личность в Польше тоже весьма известная. Естественно, мне приходила в голову мысль, что на этой стене не хватает еще одной доски – в честь Марины и Анастасии Цветаевых. Постепенно, видя, что время идет, а в Нерви перемен как не было, так и нет, я начала испытывать все большее желание как-то изменить ситуацию. Но с чего начать?

Я повела поиск в этом направлении. В Интернете я тогда не разбиралась, поэтому все контакты шли по старинке: через общение со знакомыми и знакомыми знакомых. Сценарий был обычно таков: я объясняла ситуацию, рассказывала о своем горячем желании видеть в Нерви доску в честь Цветаевых, в память об их заслугах – и с волнением ждала реакции. Меня с несколько удивленным видом выслушивали, задавали какие-то вопросы, но все это носило характер скорее

¹ Цветаева А. Воспоминания. С.123.

светской беседы. Если помощь и обещали, то потом оказывалось, что до дела так и не дошло. Так, «поговорили – и разошлись». Этот новый этап меня еще пуще расстраивал, но надежды я все же не теряла и терять не собиралась. Во мне произошло какое-то упорство, сдаваться без боя казалось делом недостойным

То ли мысли и впрямь материальны, то ли, процитирую Леонардо да Винчи, «стрела устремляется в полет с той силой, с которой был натянут лук»¹. А напряжение чувств по этому поводу у меня с годами не уменьшалось, а лишь возрастало, желание, чтобы что-то наконец произошло, накопилось просто колоссальное, – и то, чего я так ждала, далеко не сразу, но все же получилось, нужного человека мне Бог все-таки послал. Не скажу, что я вмиг распознала в женщине, с которой меня свела судьба, ту самую родственную душу, поклонницу творчества Цветаевых, которую так ждала. Да простит меня этот сильный человек, поначалу мне казалось, что эта тема ей не слишком близка. Да, Марта Тонджани о Марине Цветаевой слышала, как и некоторые из интересующихся Россией итальянцев, с которыми я имела дело до нее. Но слышать – не значит владеть темой. Мне-то хотелось кого-то прямо-таки одержимого, настоящего цветаеволюбца. Без этой тотальной увлеченности, казалось мне, трудно начать явно непростую борьбу за тот памятный знак в Нерви.

Однако Марта, по возрасту принадлежащая к более старшему поколению, чем я, импонировала мне искренней симпатией к моей родной стране, где она не раз бывала еще во времена СССР, любознательностью, интересом к русскому языку – и какой-то кипучей, совсем молодой энергией, которую я часто замечала в итальянцах именно этого поколения. Активность жизненной позиции – вот что привлекло мое внимание. Мне, как человеку, сформировавшемуся в советское время, был хорошо знаком подобный тип людей, я была к нему психологически приспособлена. Видимо, именно поэтому взаимопонимание пришло быстро.

Настал момент, когда мы с Мартой условились, что я напишу доклад на цветаевскую тему и он будет зачитан мною в том месте, которое она выберет. Над докладом я работала серьезно, он получился довольно объемным. Собравшаяся его послушать аудитория была, увы, немногочисленной, но принимали меня хорошо, в задаваемых вопросах чувствовался ненаигранный интерес. Марта обеспечила «художественную часть»: были показаны слайды с видами Петербурга, особенно меня впечатлили кованные решетки набережных.

Прочла я, помню, тогда по-русски несколько любимых мною стихотворений Марины Цветаевой, а Марта принесла книгу переводов ее стихов на итальянский.

Вряд ли стоит описывать все неудачи, с которыми мы, стремясь к нашей цели, сталкивались. Напишу лучше о приятном, вселившем в душу надежду моменте: я получила одобрение и поддержку одного из самых известных московских деятелей цветаевского движения – Александра Васильевича Ханаква, знакомого мне еще по молодым моим годам: мы встречались на цветаевских праздниках в Тарусе, которые он организовывал. Он с большим интересом выслушал мой рассказ о Нерви, сказал, что, безусловно, надо добиваться признания Цветаевых там, – и связал меня с верным другом Анастасии Ивановны, к которому после ее смерти перешел ее литературный архив, с Глебом Казимировичем Васильевым. Его Анастасия Ивановна называла своим «третьим сыном».

О семье «Глебов» (Глебе Казимировиче и его жене Галине Яковлевне) я слышала и раньше, но лично их не знала. Глеб Казимирович, оказавшийся совершенно очаровательным, эрудированным человеком, беседовать с которым было ис-

¹ Так говорил Леонардо да Винчи. Мысли и высказывания. М., 2017. С. 29.

тинным удовольствием, сделал мне царский подарок – сообщил адрес Русского пансиона в Нерви, оказавшийся настоящим! Помню, меня удивило тогда, что в этом доме располагается... ресторан. Разумеется, мне сразу же захотелось увидеть это здание, так долго и безрезультатно до того разыскиваемое. Мы с Мартой поехали в Нерви, это был наш первый совместный выезд. Там, к слову, тогда была выставка в честь 20-й годовщины падения берлинской стены. Мне, признаться, в тот день было не до нее, но из уважения к Марте, которую это интересовало, я пошла на выставку вместе с ней. Осмотрев массу реликвий времен ГДР, живо напоминающих о советской эпохе, которую и я, и Марта прекрасно помнили, мы отправились-таки по намеченному маршруту. И вот мы стоим у калитки, вмурованной в стену, примыкающей к четырехэтажному зданию, явно несколько запущенному, неопределенного – то ли розового, то ли желтоватого – цвета, с зелеными жалюзи на окнах. Я, накануне перечитавшая нервийскую главу «Воспоминаний», конечно, ликую, мое состояние можно, наверное, сравнить (простите за такие гиперболы) с состоянием Одиссея, увидевшего наконец берег вождельной Итаки. Однако эйфория все же не лишает меня зоркости: дом, говоря по правде, не слишком напоминает описанный Анастасией Цветаевой: «Трехэтажное белое здание... позади него апельсиново-лимонный сад, выходящий – лесенками – на скалы. В первом и втором этажах – комнаты пансионеров; в третьем – несколько комнаток и большая зала-столовая (табльдот)»¹. Почему у дома, возле которого я стою, четыре этажа, а не три? Потом я уже узнаю, что он был надстроен: последний этаж и открытая терраса наверху появились гораздо позднее. Смущает меня и цвет дома, явно не белый. Кстати, на открытке, репродуцированной в черно-белом цвете в книге М.М. Кононовой «Итальянские отзвуки в творческой судьбе Марины Цветаевой»², открытке явно цветаевских времен, то есть начала прошлого века, дом вообще выглядит не белым, а разрисованным в типичном для Нерви духе: по фасаду понизу идут пять светлых полос на темном фоне, видна вертикальная белая полоса на торце, а выше какие-то явно нарисованные в виде орнамента прямоугольники. Можно прочесть на открытке и название улицы – Carolungo. Теряюсь в догадках, которые пока больше напоминают сущие загадки. Нынешний адрес дома – via Aurella № 25.

Войдя через открытую калитку и пройдя мимо растущего прямо на дороге, наклоненного вбок и явно не «антикварного» возраста дерева с дуплом, мы вступаем на территорию просторного двора. Двор этот в летнее время, видимо, служит продолжением размещенного в доме ресторана «Da Lina». Внешний облик его довольно прозаичен, апельсиново-лимоновых деревьев – того самого описанного обеими Цветаевыми молодого сада, – конечно, нет и в помине. Я, стоя лицом к дому, ищу на уровне второго этажа окна снимаемой Цветаевыми квартиры в 4 комнаты. Там же и балконы с тонкими колоннами по бокам.

К нам выбегает хозяйка ресторана, приветливая дама; мы ей сообщаем, что нас привело в ее владения. Оказывается, ей известно, что здесь жила семья Цветаевых. Это нас очень порадовало. Хозяйка рассказывает нам о каких-то людях, бывающих здесь иногда и тоже знающих о Цветаевых, а мы делимся с ней своей мечтой о доске в память Цветаевых в Нерви. Она одобряет наше намерение во что бы то ни стало осуществить этот план, и мы расстаемся как добрые знакомые.

¹ Цветаева А. Воспоминания. С. 100.

² Кононова М.М. Итальянские отзвуки в творческой судьбе Марины Цветаевой. СПб., 2010. С. 97.

Невдалеке от дома, как это описано у Анастасии Цветаевой, проходят пути железной дороги, идущей вдоль моря. Потом я узнаю, что дорога была расширена и сейчас выглядит не так, как в цветаевские времена. Восьмилетняя Ася по весне собирала здесь вместе с Вовой Курдюмовым темно-лиловые фиалки. Связанные в плотные букетики, они служили пульками во время нервийской «битвы цветов». Ими в карнавальном суматохе кидали, например, молодые люди в понравившихся девушек. Во второй своей книге, «Дым, дым и дым»¹ (М., 1916) уже двадцатичетырехлетняя Анастасия Цветаева вспомнит о пребывании в Нерви, включив в повествование короткие рассказы о разных событиях того времени. Воспоминания же Марины о Нерви относятся как к раннему периоду (стихотворения «На скалах», «Баярд», «Он был синеглазый и рыжий ...»), так и к зрелому, к 1930-м гг. («О Германии», «Дом у Старого Пимена», «Мой Пушкин», «Мать и музыка»).

Вернусь к тому дню, когда мы с Мартой искали и нашли дом, – 21 марта 2009 г. Прекрасная погода, солнышко – действительно, «блаженное лигурийское Нерви», как называла его Марина Цветаева. Мы, оживленно беседуя, спускаемся к морю, точнее, на бульвар, кончающийся небольшой бухтой. Вот она, «Piccola Marina»! А невдалеке от нее большая плоская скала, лежащая в море, к ней ведет окруженная перилами лестница. Я уж столько раз видела эту скалу, задумывалась, не здесь ли девочки Цветаевы и их друзья так весело проводили время. Другой подобной не видно, наверное, это она и есть! Вспоминается то, что я только накануне читала о ней в «Воспоминаниях». Как проникновенно Анастасия Ивановна пишет о днях, предшествующих отъезду в швейцарский пансион: «Последние костры на “пластине” меж двух лесенок, выбитых в грифеле скал. Последние “Муся, Ася, Володя”, выведенные осколком скалы на грифельных пластах над морем, под пиниями <...>. То же крутое, знакомое очертание выступающей из волн скалы Лягушка, откуда мама вчера (она уже купается! так поправилась!) бросилась в море плыть и плыла далеко! Но нам уже все не то! Потому что через все это, вместо захлебнувшегося “Приехали!”, пронизана нить скользящего, как рельсы, вдаль – “Уезжаем”!»²

Я всматриваюсь: невдалеке и впрямь небольшая скала, чем-то напоминающая высунувшуюся из воды лягушку. Удивительно, что все это сохранилось! А то местные жители нам говорили, что море может так закрыть собой скалу, что от нее потом и следа не останется.

Не сразу, конечно, это случилось – «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», но однажды наступил день, когда Марта мне сказала, что ей удалось договориться о бесплатной мраморной доске! Подробности она мне не сообщила, а я, оглушенная этой новостью, их не спрашивала. Но как-то сразу я в этот момент осознала, что всё было не напрасно, что в наши поникшие было паруса задул свежий ветер. Гораздо позднее я узнаю, что плиту дал владелец тосканской мраморной мастерской Дино Феличи и что она из белого каррарского мрамора. Не отказался этот великодушный человек и от дальнейшей безвозмездной помощи: именно в его мастерской на плиту с помощью современных компьютерных технологий была нанесена памятная надпись. Цитирую ее в русском переводе:

¹ Цветаева А. Дым, дым и дым. М., 1916. Сведения из этой книги приведены автором по: Кононова М.М. Итальянские отзвуки в творческой судьбе Марины Цветаевой. С. 97. Новейшее издание «Дыма» см.: Цветаева А. Собр. соч. Т. 1. М., 1996.

² Цветаева А. Воспоминания. С.121.

Сестрам Марине Цветаевой (1892–1941) и
Анастасии Цветаевой (1894–1993).
Гордости русской поэзии и культуры
В память их пребывания в Нерви в этом доме.
Генуя Нерви 8 июня 2017

Здесь я изрядно забегаю вперед, поскольку надпись была сделана далеко не сразу, а только после того, как коммуна Генуи дала на эту плиту свое разрешение. Как я и думала с самого начала, хлопоты по поводу размещения плиты в Нерви оказались весьма затяжными. На этой стадии, как мне рассказывала Марта, ей удалось завязать отношения с генуэзскими славистами. Они, узнав о поданной в коммуны заявке, стали активно помогать, подключив к этому читательский актив местной библиотеки *Virgilio Brocchi*. Я не могу взять на себя ответственность рассказать о персональном вкладе каждого в это дело, поскольку просто не знаю всех нюансов. Могу поведать только о том, что мне известно. Добиться разрешения поместить памятный знак на приморском бульваре *Anita Garibaldi* не получилось. Однако разместить доску на стене бывшего Русского пансиона не возбранялось, но этого нельзя было сделать без согласия хозяина дома. Хозяином же дома по адресу *via Angelia 25* являлась местная церковная епархия, которая на это дала свое согласие. Кроме того, требовалось и согласие хозяйки ресторана, арендующей помещение у епархии, и оно было получено. Затем наступил новый этап, когда решающая роль принадлежала архитектору, который проводил исследование дома, его стен. Какого рода были эти исследования, мне неизвестно в подробностях. Возможно, в процессе легализации доски были и еще какие-то этапы. Марта, звоня мне, довольно бегло обо всем этом рассказывала; мне казалось, что она порядком устаёт. И казалось мне это, видимо, не без оснований: в ту пору она как раз училась в университете, который к моменту открытия доски успела окончить, получив диплом филолога. Не первый известный мне случай, когда люди идут учиться в университет уже в довольно солидном возрасте – и учатся вполне успешно, с удовольствием.

Так или иначе, однажды (это было в начале весны 2017 г.) я услышала долгожданную новость: все хлопоты позади, открытие доски состоится в начале лета. Незадолго до открытия я спрашивала Марту, собирается ли она выступить с речью. Она предложила это сделать мне, просила, чтобы я рассказала о том дне, когда мы вместе ездили в Нерви.

И вот пришел заветный день 8 июня. С самого утра в душе ощущение светлого праздника. Еду с младшей дочерью, юной любительницей поэзии, на поезде из Тосканы в Лигурию. Дорога не самая простая, не запутаться бы, пересаживаясь с первого поезда на второй: там на пересадку буквально считанные минуты. Есть по этому поводу во мне какая-то тревога, но доминирует все же радость: едем в Нерви, место для меня всегда желанное! Читаю дочери, подготавливая ее к торжественному моменту, раннюю лирику Марины Цветаевой. Знаю, что эти стихи и ей по сердцу. Уф! Благополучно пересели на второй поезд, можно расслабиться и посмотреть в окно. Погода как на заказ, поистине летняя. В пробегающие мимо пейзажи я всматриваюсь довольно невнимательно: все мысли только о Нерви, о том, что сегодня там состоится цветаяевское торжество, которое для меня прежде всего торжество справедливости. Это затмевает все остальное.

Наконец доехали. И вот уже мы спешим по бульвару над морем к зданию бывшего Русского пансиона. Вижу, как со скального пика прыгают в воду один за дру-

гим юные удалцы, демонстрируя друг другу и окружающим собственное безоглядное молодечество. Не видела здесь такого раньше! Достāju фотоаппарат и запечатлеваю смельчаков, хотя дочь меня не одобряет, справедливо опасаясь, что мы опоздаем к началу. Но она не знает, что во мне сейчас проснулся, как говорят психологи, «внутренний ребенок» – и его лучше не трогать.

Я ведь спешу на свидание к тем детям, о которых когда-то, уже много лет назад, прочла в увлекательной книге, прочла, когда сама еще была не намного их, тогдашних, старше. К детям, которых полюбила. И не важно, что с тех пор прошли годы и годы, что из этих детей выросли взрослые люди со сложными, трагическими судьбами, что их уже нет на свете. Для меня они живы, я мысленно воскрешаю их смеющиеся лица, их голоса, их счастье первого соприкосновения с морской стихией – той самой стихией, которая сейчас до самого горизонта растягивается перед моими глазами.

Вот мы идем над «пластиной» – ареной их детских радостей и шалостей. Какое удивительное чувство я испытываю, видя рядом собственными глазами место, где когда-то столько раз бывала душой и воображением!

«Чудо – есть!» – повторяю я про себя за Максимилианом Волошиным. Знаю, что во мне никогда не угаснут удивление и радость от этого странного, фантастического переkreщивания мечты с реальностью. И дай Бог всем другим, читающим в детстве любимую книгу, когда-нибудь испытать то же, что испытываю сейчас я!

Вот мы уже у калитки бывшего Русского пансиона. На торцевой стене, обращенной ко входу, висит что-то мною прежде не виденное, закрытое тканью. Значит, мы успели, момент торжественного открытия доски еще не настал. У входа в дом на стене прикреплен какой-то листок, на нем знакомое мне фото Марины и Анастасии Цветаевых 1911 г. Подхожу взглянуть. Рядом с фото, оказывается, афиша с именами сегодня выступающих. Нахожу среди других и свое имя.

Ресторана в доме уже нет. В калитку теперь не войдешь так просто, как это было прежде. Но сегодня день особый – и через нее, настежь распахнутую, течет во двор дома людской поток. А во дворе, перед дальним возвышением эстрады, расставлены стулья, и многие из них уже заняты.

Нахожу глазами Марту, приветствуем друг друга. У нее какой-то задумчивый и чуть утомленный вид. И для нее, видимо, было не самым легким делом добраться сюда. Знаю, что и гонуэзская принимающая сторона только совсем недавно закончила хлопоты, связанные с организацией праздника.

Гул голосов, оживление. Это людской поток потек со двора на улицу, окружая тесным кольцом стоящую под доской чтицу, которая звонким голосом задорно читает по-русски великолепные цветаевские строки:

Кто создан из камня,
Кто создан из глины,
А я серебрюсь и сверкаю.
Мне дело – измена,
Мне имя – Марина,
Я брeнная пена морская!

Где, как не у моря, в Нерви, по-настоящему звучать этим строкам!

Толпа густая. Порой я вообще перестаю видеть, что происходит в центре. Но ощущаю, что тот душевный подъем, который испытываю я, разделяют и многие стоящие рядом, в том числе и моя дочь Маша.

Вот наконец падает полотнище с доски. Взорам, устремленным вверх, предстает полированный каррарский мрамор с высеченной на нем надписью. Как тут не вспомнить строку из цветаяевской «Попытки ревности»: «После мраморов Каррары как живется вам с трухой гипсовой?»

Людской поток течет обратно в дом. И вновь мы оказываемся во дворе несколько изменившегося внешне, но Того Самого дома. Сегодня здесь собрались

представители генуэзской мэрии, дипломаты из российского консульства, преподаватели местных учебных заведений.

Выступает представитель городских властей с трехцветной лентой через плечо, вслед за ним другие «отцы города». Затем берут слово слависты – Августа Докукина-Бобель из Генуи и Иоанна Спендель из Милана. А вот на сцене

учащиеся старших классов международного лингвистического лицея «Grazia Deledda», выступающие с отрывками из прозы Марины и Анастасии Цветаевых, с юношескими стихами Марины. Да, русские слова они произносят не без акцента, но зато с каким воодушевлением, как сияют их глаза! Им явно доставляет удовольствие творчество талантливых сестер. Чувствуется, что они все тонко понимают: и юмор, и грусть. Мне очень по душе эти ребята. Надеюсь, что в дальнейшем они будут хранить память о семье Цветаевых в городе, где проходит сейчас на их глазах чествование знаменитых сестер.

Настал и мой черед идти к микрофону. Обычно я не ощущаю волнения, выступая публично: выручает навык преподавания, он держит меня, как спасательный круг. Да и стихи читать на публику приходилось не раз. Но сегодня что-то... Однако, посмотрев в зал, вижу, что с аудиторией мне явно повезло: открытые лица, на которых какая-то растроганность, очень доброжелательная, располагающая атмосфера.

Рассказываю вкратце о том, как меня беспокоило отсутствие в городе памятного знака в честь Цветаевых, как хотелось изменить ситуацию. О встрече с Мартой, о том, что с этого момента я перестала быть одна – нас стало двое. О том, как Марте Тонджани удалось договориться о доске, что стало первой победой в нашем деле. О друге Анастасии Цветаевой Глебе Васильеве, протянувшем руку помощи (неудобно его, уже ушедшего из жизни, называть без отчества, но что делать, если в Италии отчеств нет). Описываю день первого посещения нами дома. Напоминаю, что со времени проживания в нем Цветаевых прошло 115 лет – срок немалый. Поздновато, конечно, установлена доска, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Благодарю тех, кто помогал в этом деле, кто пропагандирует творчество Цветаевых в Италии. Говорю о том, что время идет, но не гаснет память о двух женщинах независимого ума, огромной силы духа, одержимых творчеством – сестрах Марине и Анастасии Цветаевых.

Читаю свои посвященные им стихи – и замечаю, что голос звучит, а мыслями я улетаю к дому, к тем, кто в нем жил. Они словно тоже присутствуют где-то рядом. Мне до сих пор не верится, что я возле того самого дома, где все происходило, что на пустой еще недавно стене висит памятная доска!

Принимают тепло. На нескольких книгах стихов (хорошо, что привезла хоть что-то с собой) делаю памятные надписи: «В удивительный день моей жизни, в день, которого не чаяла дожидаться».

Торжественная часть позади. На длинных столах во дворе шампанское и угощение.

Ах, какое замечательное дело завершено сегодня! Какое чувство освобождения, успокоения я испытываю наконец! Представляю, что чувствуют те, кто боролся за доску на последнем этапе, преодолевая шаг за шагом все препоны!

И напоследок вспомню строчки стихов мудрой Анастасии Цветаевой, никогда не верящей тому, что жизнь не одарит, потому что жизнь сама по себе уже есть дар, какие бы трудности ни посылала судьба:

Но есть помимо горя, нищеты,
Болезней, старости, работы –
У жизни есть, – а и не знаешь ты –
Такие колдовские повороты...
...И если чудо медлит, затаи
Дыханье, – Мыс Надежды огибая,
То Грей, пурпурных парусов своих
В тумане скрыв, к тебе направил стаю!

ЛИТЕРАТУРА

Цветаева А. Воспоминания. 3-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1984. 706 с.

Кононова М.М. Итальянские отзвуки в творческой судьбе Марины Цветаевой. СПб.: Алетея, 2010. 421 с.

Так говорил Леонардо да Винчи. Мысли и высказывания. М.: Капитал, 2017. 48 с.

Цветаева А. Собр. соч. Т. 1. М.: Изограф, 1996. 254 с.

REFERENCES

Tsvetaeva A. (1984) Memoirs. 3rd ed., supplemented. Moscow. Sovetsky Pisatel Publ. 706 p.

Kononova M.M. (2010) Italian Echoes in Creative Activities of Marina Tsvetaeva. St.-Petersburg. Aleteya Publ. 421 p.

Thus Leonardo da Vinci Was Saying. Thoughts and Statements. (2017) Moscow. Kapital Publ. 48 p.

Tsvetaeva A. Collected Works. Vol. 1. Moscow. Izograf Publ. 1996. 254 p.

Сведения об авторе:

Ирина Юрьевна Дергачева,
независимый исследователь

Irina Yu. Dergacheva,
Independent Researcher

irina.dergacheva888@gmail.com